

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

ВОЙНА МИРОВ

ГЕРБЕРТ ДЖОРДЖ УЭЛЛС
(ЗАНОВО ПРОЧТЁННЫЙ)

*Наша истинная на-
циональность — чело-
вечество.*

Г. Дж. Уэллс

МОСКВА
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
П70

Прашкевич, Г.

П70 Война миров / Г. Прашкевич. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-521-74047-5

Герберт Джордж Уэллс — знаменитый писатель, мыслитель, общественный деятель, человек страстный, умный, сильный оставил нам книги, в которых мы свободно путешествуем и в настоящем времени, и в прошлом, и по невероятно далёкому будущему. «Война миров» и «Война в воздухе», «Тоно-Бэнге» и «Мистер Блетсуорси на острове Рэмполь», «Человек-невидимка» и «Освобождённый мир», «Когда спящий проснётся» и «Первые люди на Луне», «Игрок в крокет», «Люди как боги», «Чудесное посещение», «Остров доктора Моро», знаменитая «Машина времени» полны загадок, юмора и трагизма. Уже много десятилетий книги Уэллса издают, переиздают, снимают по ним фильмы, ставят на сцене, озвучивают на радио. Жизнь писателя, полная приключений (не только интеллектуальных) описана в известной работе Геннадия Прашкевича, отмеченной многими литературными премиями, среди которых — АБС-премия, врученная автору в свое время самим Борисом Стругацким.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74047-5

© Геннадий Прашкевич, текст, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ВСТУПЛЕНИЕ

(происхождение, детство, юность)

*Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующие море,
Два космоса соединивший мост.*

Арсений Тарковский

ОТКРЫТИЕ МИРА

1

Герберт Джордж Уэллс родился 21 сентября 1866 года в маленьком английском городке Бромли (графство Кент). Все достопримечательности Бромли того времени сводились к небольшому рынку и старой церкви, выстроенной в готическом стиле, да к минеральному источнику, известному под именем колодца святого Власия Севастийского, или, как именуют его сами англичане, святого Блэза. Газовые фонари, мощенные камнем улочки, продуктовые фургоны. На козлах кэбов красовались извозчики в высоких цилиндрах, громыхали по камням конные омнибусы. Благословенное царствование королевы Виктории длилось с 1837 по 1901 год — всё вокруг казалось прочным, построенным на века, ничто не грозило катастрофами.

Британцы и вообще-то самодостаточны, а провинциальные британцы — самодостаточны стопроцентно. Слухи с континента мало кого волновали. А ведь всего лишь за четыре года до рождения Уэллса (разумеется, без какой бы то ни было связи между этими событиями) премьер-министром Пруссии стал Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк (Шёнхаузен) — «железный канцлер», объединивший, наконец, Германию, сделавший ее мощной индустриальной державой. Греки изгнали ненавистного им короля Оттона, в России отменили телесные наказания, в США вступил в действие закон об освобождении рабов. Множество крупных и мелких событий постоянно перекраивали карту мира, как это происходило раньше, как это происходит сейчас. Ну, кто сегодня помнит Австро-Венгерскую империю, занимавшую огромную часть Европы, или Бол-

гарию, имевшую выход на Средиземное море, или захватывающие и волнующие каждого русского подробности Польского восстания? Время летит неумолимо, его бег стремителен. Всего за год до рождения Уэллса был убит Авраам Линкольн, шестнадцатый президент США, окончательно покончивший с рабством, вспыхнуло восстание фениев в Ирландии, американцы купили у России Аляску и Алеутские острова, Канада была объявлена доминионом Великобритании...

И все такое прочее, как говорил герой одного известного писателя.

Не меньше, чем политика, потрясали и меняли мир научные открытия и технические новшества. Грегор Мендель открыл законы наследственности. Чарльз Дарвин и его сторонники разработали теорию эволюции. В физике и химии произошли поистине революционные изменения. В год рождения Уэллса был проложен первый телеграфный кабель через Атлантический океан между Англией и США, а Роберт Уайтхед изобрел самодвижущиеся подводные мины (торпеды); был закончен Суэцкий канал, соединивший Средиземное и Красное моря. Мир жадно вбирал, мир жадно пользовался открытиями химиков, физиков, биологов. Профессия инженера становилась все более престижной, не случайно откликающийся на все проявления прогресса Редьярд Киплинг пропел осанну паровозам в великолепной книге «Дни работ». Чайные клиперы ставили рекорд за рекордом, в считанные дни пересекая океан, первые авиаторы неуклюже взлетали в воздух. Менялся быт, менялась литература. Сказки о драконах и спящих принцессах приелись даже в Бромли. Понятно, что инерция общества велика: во все времена основную массу литературы занимали сказания все о тех же принцессах и драконах, под какими бы личинами все это ни скрывалось (сегодняшние фэнтези — это всё тот же залежалый товар), — но мир мощно требовал обновления. К тому же, мир всегда нуждается в деятелях, умеющих объяснять непривычные новшества. В Европе таким человеком стал Жюль Верн. Он понятно и увлекательно объяснял пораженным обы-

вателям, что наша планета велика, что белые пятна с географических карт не так-то просто стереть, но и остановить этот процесс невозможно. Познанию мира, указал он, часто помогают не только романтики, вроде Жака Паганеля, секретаря Парижского географического общества, но и люди, откровенно делающие политику, скажем, такие, как индеец — капитан Немо, или благородный мадьяр — граф Матияш Шандор...

2

Сохранилась фотография Уэллса, сделанная в 1869 году.

Рядом с Фрэнком, старшим братом (это он впоследствии подсказал молодому писателю идею романа «Война миров») сидит юный Герберт. Он в платице, впрочем, ничуть не смущен этим. А вот другая фотография: нагловатый рыжеусый джентльмен в котелке, чрезвычайно ординарный на вид. Трудно соотнести человека с упомянутых фотографий с автором знаменитых романов, скажем, с той же «Войной миров». Кстати, именно эта книга попала мне в руки первой. Послевоенное издание — 1945 год. Превосходные иллюстрации Альвэм-Коррэа.

«Астроном Ловелл заметил поток раскаленных газов».

Загадочная планета Марс, густо иссеченная каналами, отмеченная загадочной огненной вспышкой...

«Цилиндр имел вид вкопанного в землю старого газометра».

Сочетание упавшего с неба цилиндра и какого-то неизвестного мне старого газометра странно волновало.

«Марсианин держал генератор теплового луча».

Взбесившийся треножник в металлической шляпе, похожей на шляпы китайских кули, нёсся в сторону уткнувшегося в берег колесного парохода.

«Дома стали казаться призраками, глядящими на меня тысячами очей».

Мертвый Лондон, так тщательно, столько раз описанный знаменитым писателем.

Но последняя иллюстрация излучала всё-таки оптимизм.

«Осмотр машин, оставленных марсианами, дал замечательные результаты».

Сохранились и другие фотографии молодого Уэллса. Вот он в Нормальной школе Южного Кенсингтона — с человеческим черепом в правой руке, а левую руку положил на скелет человекообразной обезьяны. А вот 1895 год — задумчивый, конечно, усатый молодой человек в домашней куртке, с пером в руке.

Да с пером!

И с листками рукописи!

«Человек творческого труда — это не обычное существо, он не может и не испытывает ни малейшего желания жить как все нормальные люди. Он хочет вести жизнь необычную». Так позже написал сам Уэллс в своей замечательной книге «Опыт автобиографии» («Experiment in Autobiography», 1934). Подзаголовок книги звучал непривычно: «Открытия и заключения одного вполне заурядного ума (начиная с 1866 года)». Мне явно слышится в этом отзыв превозносимого Уэллсом Чарльза Дарвина («Происхождение видов путем естественного отбора или Сохранение избранных пород в борьбе за существование»). На собственном примере Уэллс попытался показать, как развивается отдельный человек — в обществе. В своих книгах он выделил множество *отдельных видов человека*, которые, по его мнению, живут среди нас, часто никак не способствуя процветанию человечества, и даже напротив, ограничивая его развитие, его свободу. А чтобы по-настоящему мыслить, развиваться и познавать мир — нужна свобода.

Уэллс всю жизнь добивался ее. И, несомненно, достиг успехов.

«Чем дольше я живу, — писал он в «Опыте автобиографии», — тем более проясняется и год от года крепнет во мне желание стать выше элементарных житейских потребностей, подчинить их себе, сосредоточиться по возможности на чем-то

главном, к чему я предназначен, и в этом я вижу не только основную линию моего жизненного поведения, желание найти выход из собственных затруднений, но и ключ к преодолению препятствий, стоящих на пути большинства ученых, философов, художников и вообще всех творческих людей, мужчин и женщин, погребенных под грузом повседневности. Подобно доисторическим амфибиям, мы все, можно сказать, пытаемся выбраться на воздух из воды, где доселе обретались, научиться дышать по-новому, освободиться от всего общепринятого, ранее не подвергавшегося сомнению». И далее: «Жить без надежды продолжить дело, для которого, думаю, я предназначен, мне представляется в высшей степени бессмысленным. Не хочу сказать, что повседневность, которая в свое время увлекала и восхищала меня и казалась бесконечно интересной — сшибка и борьба индивидуальностей, музыка и красота, еда и питье, путешествия и встречи с людьми, новые земли и необычные зрелища, работа ради успеха и игра ради игры, и юмор, и радость выздоровления, привычные удовольствия и среди них самое ощутимое — удовольствие потешить свое тщеславие, — безвозвратно канули в Лету. Во мне по-прежнему живет чувство благодарности за все, что дает нам жизнь. Но я уже сполна наслаждался этим, и жить во имя получения больших благ я отказываюсь».

Великолепно сказано, но не совсем правдиво.

Было нечто, от чего Уэллс отказаться никогда не мог.

Прежде всего, от женщин. Скажем, от Муры Будберг. От женщины, которая скрасила его жизнь в последние годы, и в то же время принесла ему немало страданий; от баронессы (что не совсем верно) Марии Игнатьевны Будберг в девичестве Закревской, по первому браку — графини Бенкендорф. «Я никогда не был большим охотником до любовных приключений, хотя нескольких женщин любил глубоко». Эти слова вряд ли могли обмануть людей, хорошо знавших жизнь писателя. «Мура — та женщина, которую я действительно люблю. Я люблю ее голос, само ее присутствие, ее силу и ее слабости. Я ра-

дуюсь всякий раз, когда она приходит ко мне. Я люблю ее больше всего на свете. Мура мой самый близкий человек. Даже когда в досаде на нее я позволяю себе изменить ей, или когда она дурно со мной обошлась, и я сержусь на нее и плачу ей тем же, она все равно мне всех милей. И так будет до самой смерти. Нет мне спасения от ее улыбки и голоса, от вспышек благородства и чарующей нежности, как нет мне спасения от моего диабета и эмфиземы легких. Моя поджелудочная железа не такова, как ей положено быть; вот и Мура тоже. И та, и другая — мои неотъемлемые части, и ничего тут не поделаешь».

3

Странно, но у писателя, покорившего мир необыкновенной силой ума и воображения, отношение к собственному уму и воображению было, скажем так, неоднозначным. Он не раз утверждал, что его ум нуждается в постоянном понукании, что, будто бы, он воспринимает окружающее не так живо и ярко, как его друзья. «Во всем, что я делаю, есть какая-то рассеянность — словно бы некоторый бесцветный пигмент был подмешан в мою кровь». И дальше — о вялости, о склонности к праздности, о врожденной якобы апатии, чему вряд ли может поверить человек, когда-либо читавший «Войну миров» или «Человека-невидимку».

С другой стороны, что мы знаем о себе?

«Когда я пытаюсь преломить в себе все это (вялость, праздность, апатию, — *Г.П.*), то действую с каким-то надрывом, и людям поведение мое кажется ненатуральным, словно я хочу обмануть их или обольстить».

Невольное признание? Или попытка скрыть себя истинного?

И то, и другое, конечно.

Не случайно Уэллс так часто ссылался на Юнга.

«Персона, по терминологии Юнга, — писал он, — это представление человека о самом себе, о том, каким он хотел бы